

УДК 82-14

**С ГОМЕРОМ И С МИЦКЕВИЧЕМ
(«МИЦКЕВИЧСКИЙ ПОДТЕКСТ»
В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)**

Науменко Г.А.

Диалог А.С. Пушкина с польским поэтом Адамом Мицкевичем, хорошо известный по «Медному всаднику», согласно общепринятому мнению был завершён в стихотворном послании Мицкевичу «Он между нами жил...». В настоящей статье предпринята попытка обосновать гипотезу, что Пушкин продолжил диалог в 1834-1836 гг. и что стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» было адресовано Мицкевичу. Пушкин попытался по-другому, чем в «Он между нами жил...», взглянуть на автора антирусского «Отрывка» («Ustęp») с точки зрения высоких гомеровско-библейских ассоциаций, акцентируя гений поэта, который внимает всему.

Ключевые слова: Пушкин, Гомер, беседа, мицкевичский подтекст, отрывок, пророк, Рылеев, Олешкевич.

**WITH HOMER AND MICKIEWICZ
(THE MICKIEWICZ SUBTEXT IN
ALEKSANDR PUSHKIN'S LATE POETRY)**

Naumenko G.A.

The standard theory is that the well known dialogue between the Russian and the Polish National Poets ended with Pushkin's long narrative poem "The Bronze Horseman" and his poem "He lived among us", but, in my view, the dialogue continued, at least from Pushkin's side. The hypothesis that Mickiewicz and his long narrative poem entitled "Digression" ("Ustęp"), which is very critical of Russia, are addressed in Pushkin's creative work of 1834-1836 offers new interpretative possibilities. Thus, the Mickiewicz subtext helps to clarify the issue of addressee of the poem "You conversed

with Homer alone for a long time”. Pushkin chose a different point of view than in his poem “He lived among us” by emphasizing Homer, the Bible and the genius poetic perception.

Keywords: Pushkin, Homer, conversed, Mickiewicz subtext, digression, prophet, Ryleev, Oleszkiewicz.

«Мицкевичский подтекст»

Пушкинская тема ответа польскому поэту Адаму Мицкевичу казалась закрытой в 1834 г., после завершения стихотворного послания Мицкевичу «Он между нами жил...». Однако, «мицкевичский подтекст» обнаруживается и в более поздних произведениях русского поэта. Гипотеза, что Пушкин продолжил свой диалог с польским поэтом в 1834-1836 гг., открывает возможность полнее понять творчество Пушкина последних лет жизни и во многом объяснить его идейно-философские, христианские и художественные искания, которые, по словам Ю.М. Лотмана, «вылились в систему образов, повторяющихся и устойчивых в своей сути и одновременно подвижных и вариативных» [13, с. 206].

Под выражением «мицкевичский подтекст» я имею в виду «ситуационную основу»: обличительные, сатирические и пророческие стихи Адама Мицкевича из антирусского цикла «Отрывок» (*Ustęp*), Петербургского раздела поэмы «Дзяды» часть III (*Dziady część III*), и их восприятие Пушкиным, которое потянуло за собой воспоминание о пребывании Мицкевича в России и темы из других произведений польского поэта, в первую очередь, из поэмы «Конрад Валленрод» (*Konrad Wallenrod*).

«Конрад Валленрод» был написан Мицкевичем в России и напечатан в Петербурге на польском языке отдельным изданием в феврале 1828 г. Время действия в поэме относится к эпохе борьбы литовцев с Тевтонским орденом (XIV-XV вв.). Герой Вальтер Альф проникает в ряды ордена под именем великого магистра Конрада Валленрода, чтобы, «местью поразив их стан немецкий, / За

горести народа расплатиться» [15, I, с. 338]. («Szukając zemstę na nieprzyjacielu / I broniąc sprawę biednego narodu» [29]). Конрад приводит орден к гибели, но и сам, разоблаченный, погибает.

Драматическая поэма «Дяды» III и стихотворный цикл «Отрывок» были созданы Мицкевичем вскоре после поражения польского восстания 1830-1831 гг. и изданы в Париже в 1832 г. В «Прологе» поэмы Мицкевич «перерождает» своего автобиографического героя, поэта Густава, в борца Конрада, а Густаву делает надгробную надпись по латыни: «Богу наилучшему, наивысшему». – Густав. – Умер в 1823 году – 1 ноября – здесь родился Конрад в 1823 году, 1 ноября» [15, II, с. 578]. (Первый день ноября – день дядов, день поминовения предков).

«Отрывок» проникнут «исключительным по силе пафосом гражданского негодования и сатиры» [23, с. 174]. Мицкевич «гневно и беспощадно обличает русское самодержавие, воплощенное в царской столице – Петербурге и в памятнике ее основателя – Петре Великом» [16, с. 138]. Он сравнивает Петербург с Вавилоном и с древним языческим Римом, преследовавшим и распинавшим первых христиан. Польшу он представляет в образе Иисуса Христа на распятии в видении ксендза Петра из сцены V «Дядов». Польша, как и Христос, воскреснет из мертвых в славе, потому что Бог воздаст польскому народу за все его муки. Петербургу же по сюжету «Отрывка» грозит Божья кара, потому что зло не может остаться неотмщенным.

Злом в «Отрывке» является само существование «Петровской империи», построенной на крови и слезах Польши и подвластных России народов. Тиран Петр, по словам Мицкевича, слепо подражал Европе, не взирая ни на какие жертвы. Он проник в чужие земли, согнал и уничтожил сотни тысяч людей, чтобы построить столицу себе, а не город людям («nie miasto ludziom, lecz sobie stolicę»), в месте, для жизни людей не пригодном. В результате его «творение» оказалось чудным: лишенным и истинной красоты, и славы, и практической мудрости. Мицкевич отказал Петру I в величии и в праве называться творцом, назвав его

главным противником Бога – Творца: «szatan». Рим – творение рук человеческих, Венеция – богов, а Петербург – сатаны [28]. Сатана – не творец, а подражатель, и Петр, подражая Европе, как бы похищал плоды европейской культуры.

В последнем стихотворении «Отрывка», «Русским друзьям» (*Do przyjaciół Moskali*), поэт обращается к казненному Кондратию Рылееву и сосланному на каторгу Александру Бестужеву – участникам тайного заговора декабристов, пожертвовавших собой во имя освобождения народа от власти самодержавия – как к братьям по духу. Он противопоставляет им поэта-лакея – предавшего друзей, и русский народ – «казнящий своих пророков»: «Проклятие народу, который казнит своих пророков!» [23, с. 174]. («*Klątwa ludom, co swoje mordują proroki*» [28]). Предвидя упрек за свои инвективы, в первую очередь от Пушкина, опубликовавшего два прорусских стихотворения в брошюре «На взятие Варшавы» (1831), Мицкевич предупреждает, что упрек этот будет воспринят им как лай пса на цепи, недостойный ответа. Польский поэт – тот, кто обманывал деспота («*łudziłem despotę*») «пока был в оковах» («*prókim był w okuciach*»), а не служил ему, и чей неподкупный голос раздается и теперь «от вольных народов» («*od wolnych narodów*») [28].

До прочтения «Отрывка» Пушкин относился к Мицкевичу с «горячей верой в его творческий гений» [24, с. 395], и польско-русский конфликт его веры, видимо, не коснулся. Но отношение Мицкевича к Пушкину было иным. Самуил Шварцбанд, автор статьи «А. Мицкевич и А. Пушкин, 1830-1833 гг.», полагал, что до Мицкевича дошли слухи о том, что Пушкин служит царю, и Мицкевич им поверил. Но прорусские стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», с которыми после поражения восстания ознакомился Мицкевич, были достаточным поводом для того, чтобы польский поэт посчитал язык Пушкина «продажным» («*płatny język*» [28]). К тому же их взгляды на предназначение поэзии были во многом противоположны.

Поэтические идеалы Пушкина и Мицкевича столкнулись в неразрешимом для 1830-х гг. противоречии. Мицкевичу был дорог гражданский пафос Рылеева и идеалы, за которые боролись декабристы: общенародные и национально-освободительные, как бы завещанные предками (дзядами). Мицкевич в 1832 г. выбрал рылеевский путь поэта-гражданина, отдающего национально-освободительной борьбе за свободу все силы и жизнь. Пушкин, возвращенный из ссылки царем Николаем I в 1826 г., последовал другому пути, пытаясь ладить с царем и надеясь на Николая I, как на реформатора. По своему ощущению он не только не чувствовал себя «лакеем» и «предателем» своих друзей-декабристов, но всегда деятельно помнил о них, несмотря на то что со временем все более критически относился к их методам борьбы, то есть к вооруженному перевороту. Надо полагать, что Пушкин был глубоко оскорблен не только недоверием к нему Поэта (с большой буквы), но и мицкевичским тоном непогрешимого судьи, обращающегося в последнем стихотворении «Отрывка» к «русским друзьям», как к свидетелям преступления русского поэта.

Стихотворение «Русским друзьям» исполняет роль эпилога и написано как посвящение, возвещающее благую весть о вольности друзьям из «Московии», живущим в царских оковах. Первые шесть стихотворений «Отрывка» созданы по форме путевого дневника путешественника, фиксирующего свои впечатления о России: «Дорога в Россию» (*Droga do Rosyji*), «Предместья», или «Пригороды столицы» (*Przedmescia stolicy*), «Петербург» (*Petersburg*), «Памятник Петру Великому» (*Pomnik Piotra Wielkiego*), «Смотр войскам» (*Przeгляд wojska*), «Олешкевич» (*Oleszkiewicz*).

Пушкин переписал в свою рабочую тетрадь польский текст шестого стихотворения «Олешкевич», затем седьмое стихотворение «Русским друзьям» и затем 31 стих из стихотворения «Памятник Петру Великому». (Он остановился там, где закончилась первая часть монолога «Пушкина» о Петре I, которым

Мицкевич как бы противопоставлял юного «певца вольности» – «продавшемуся» поэту в эпилоге цикла).

Все полтора месяца Болдинской осени 1833 г. прошли у Пушкина «под знаком польского поэта» и ответа на его вызов, брошенный России и «прославленному» «поэту русского народа» [16, с. 143]. (Имя Пушкина не было названо напрямую).

Вацлав Ледницкий (известный польско-американский ученый) более полувека назад так описал ситуацию противостояния Пушкина – Мицкевичу («Медный всадник» – «Отрывок»):

Пушкин дал отповедь прекрасную, глубокую, лишенную всякого гнева, горечи и досады, она не носила личного характера, не была непосредственно направлена против Мицкевича <...> Поэма исполнена истинной, чистой поэзии, автор избег в ней всякой актуальной полемики, дал только искусное оправдание своей идеологии и не побоялся, возбужденный Мицкевичем, коснуться самого болезненного места в трагической сущности русской истории. В «Медном всаднике» Пушкин не затронул русско-польских отношений и тем самым оставил инвективы Мицкевича без ответа [Цит. по: 23, с. 185].

«Медный всадник» по сути, был первой русской поэмой, претворившей в образе и слове взгляд образованного русского на главные общественные вопросы европейского масштаба. Пушкин преодолел огромную «разность потенциалов» (Европа против России) и взглянул на мир с надличной высоты, с позиции вечности. Он преобразовал свое негодование от испитого им «кубка яда», посланного Мицкевичем из страны «вольных народов», не в ответный «кубок яда», то есть не в ненависть, а в высшее бесстрашие. Но царь оказался глух к творческому деянию поэта для России; просто не понял поэтического подвига, отстаивавшего ценность русского взгляда на мир против взгляда европейского и против демократического радикализма («якобинства»). Отдельные выражения показались царю или цензуре совершенно недопустимыми. В результате был

напечатан отрывок из «Вступления» к поэме под заглавием «Петербург». «Петербургская повесть» осталась дома у Пушкина, в шкатулке для рукописей. Поэт не мог искренне смириться ни с царской цензурой, ни с царской идеологической слепотой.

«Медный всадник» был возвращен Пушкину 12 декабря 1833 г. недопущенным царем в его настоящем виде к печати (дневниковая запись от 14 декабря – день восстания декабристов). Начатое (или продолженное) Болдинской осенью послание Мицкевичу «Он между нами жил...» и перебеленное с датой «10 Авг. 1834» Пушкин продолжал переделывать. Это послание было намеренно возвышенно-медитативным и, с натяжкой заключив пушкинские возмущенные чувства «в размер стесненный», само по себе *не смогло* «замкнуть со стороны поэта историю его отношений к Мицкевичу» [23, с. 200], найти «должную дозу правды и мира» [25], как в «Медном всаднике». Согласно дуэльному кодексу чести, серьезное оскорбление (бесчестие) могло быть смыто только кровью, но Пушкин не собирался быть «мячиком предубеждений» и проклятием отвечать на проклятие. Наоборот, он просил Бога, чтобы тот освятил своею правдою и миром чувства Мицкевича: «Боже! Освяти / В нем сердце правдою твоей и миром...» [18, III, с. 259]. Эти слова из «Он между нами жил...», звучащие несколько неестественно, говорят не только о стремлении к миру, но и об удивлении Пушкина перед бездной непонимания Мицкевичем реальной ситуации. Пушкин пытался – на протяжении всех последних лет – «миром» удержать обретенный «чистый огонь небес» в своем творчестве. «Чистый огонь небес» – фраза из чернового наброска ответа Мицкевичу [17, III, с. 944]. Ее можно расценивать как отражение поэтического самоощущения русского поэта в тот момент, когда динамическое равновесие между жизнью в отечестве и искусством казалось ему возможным, и жизнь в ее новом качестве – в семье и не изгнанником – обретенной. Если для польского поэта наличие «Петровской империи» отрицало свободу и возможность личного благополучия и путь к свободе был возможен

только через разрушение этой империи, то для Пушкина, при всем его убежденном западничестве, в 1830-х гг. путь к свободе был неотрывно связан с культурным и государственным значением Петербурга и империи в целом, а также с семьей и домом. Надежды Пушкина опирались на политический консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию, то есть на идею просвещенного абсолютизма XVIII в., предполагающую единение писателя и монарха. В России примерами такого единения при сохранении личного достоинства были Ломоносов, Державин и другие, вплоть до Жуковского. Но в романтически-революционную эпоху после декабрьского восстания такая пушкинская позиция выглядела устаревшей.

Для многих пушкинских современников, включая Мицкевича, поэт занял позицию «рабов». Возможно, поэтому в 1842 г. в своих лекциях в *College de France* Мицкевич говорил о Пушкине, как о поэте бессильном, который потерял смелость [27, с. 117-118].

Метафорическая система образов Мицкевича была обращена в частности и к более ранним пушкинским произведениям, в первую очередь к «Пророку» (1826/1828), в котором поэт призывался Богом к пророческому служению. Видимо, польский поэт субъективно понял это стихотворение, как пушкинскую религиозно-политическую программу, отражающую идеи декабристов – «жечь сердца людей» пламенной любовью к Свободе – и решил, что русский поэт ей изменил. В «Отрывке» пророками названы декабристы. А Пушкин в интерпретации Мицкевича должен был почувствовать себя не поэтом-пророком из своего «Пророка», а «бедным рабом» из своего «Анчара» [18, III, с. 79]. Выходило, что дело поэта-пророка после казни декабристов продолжил он, Мицкевич, в отличие от не справившегося со своей задачей русского поэта.

Камер-юнкерский чин был пожалован Пушкину в самом конце 1833 г. При ненапечатанном «Медном всаднике» «мундир», олицетворяя службу «певца-лакея», как бы подтверждал историческую прозорливость Мицкевича и играл на

руку образу морально «падшего» поэта. Этот образ стал преградой и в восприятии окружающими Пушкина, и в непосредственных человеческих взаимоотношениях поэта со своим окружением.

Если бы дело дошло до совершенно откровенного разговора с царем по поводу «Медного Всадника» и камер-юнкерства, то Пушкин уже в 1834 г. мог бы выразить то, что составит основную мысль его «Полководца» (1835): «Народ, таинственно спасаемый тобою, / Ругался над твоей священной сединою». «Полководец» (написанный за несколько месяцев до «Странника») посвящен памяти Барклая де Толли, главнокомандующего русскими войсками в начале Отечественной войны 1812 г. Однако тема стихотворения и мысли, в нем выраженные, навеены, несомненно, не только заслугами де Толли, а и исключительно личным, лирическим чувством (и чувством обиды). В последних шести строках звучит прямой авторский упрек современникам за слепоту по отношению к человеку. «Как часто мимо вас проходит человек, Над кем ругается слепой и буйный век» [18, III, с. 302].

В результате, летом 1834 г. Пушкин оказался в ситуации, которую можно назвать пограничной, и «мицкевичский подтекст», став во многом ее причиной, приобрел новую остроту в пушкинском творчестве. Юмор и ирония особенно помогли русскому поэту преодолевать обвинения всех тех, кто, как польский поэт, не вникал в его внутренний творческий путь.

Инвективы и сатирические очертания всего, что у Мицкевича в «Отрывке» связано с Россией и ее историей, преобразуются у Пушкина в новое качество, новые образы отливаются в прозаические и стихотворные формы, казалось бы, к Мицкевичу не имеющие отношения. Но не только в произведениях, созданных во вторую Болдинскую осень, а и в более поздних, таких как «С Гомером долго ты беседовал один...» (1834), «Странник» (1835) и Каменноостровский цикл (1836), «мицкевичский подтекст» оказывается импульсом для пушкинского поэтического слова, противостоящего всей революционно-романтической концепции польского

поэта, которой тот придал высокий религиозный смысл. Именно эти стихотворные произведения, не адресованные напрямую польскому поэту, являются ключевыми в 1834-1836 гг. по отношению к творческому противостоянию Пушкина Мицкевичу. И именно диалог с Мицкевичем и «мицкевичский подтекст» открывает возможность точнее и полнее понять эти произведения (а также прозаические статьи 1836 г. с созвучными темами) в контексте творчества Пушкина.

С Гомером и с Мицкевичем

Стихотворное послание «С Гомером долго ты беседовал один...» впервые было напечатано под названием «К Н**» в девятом томе (1841) посмертного издания собрания сочинений Пушкина 1838-1841 гг. В статье «Загадочное стихотворение» (1909) литературовед В.В. Каллаш вкратце описал проблемы, возникавшие при определении адресата послания. Так, Н.В. Гоголь полагал, что оно было адресовано царю Николаю I. В.Г. Белинский и С.П. Шевырев упоминали его под заглавием «Гнедичу». (Н.И. Гнедич переводил «Илиаду» Гомера с 1807 по 1826 гг.). Первым издателям Пушкина казалось сомнительным, что поэт обратился к Гнедичу, как к живому, в 1834 г. (Гнедич умер в 1833 г.). В комментариях указывалось (со ссылкой на Гоголя), что стихотворение Пушкина посвящено императору Николаю I. По мнению Каллаша, и Николай I, и Гнедич равно маловероятны в качестве адресатов стихотворения [10, с. 48-59; 3, с. 66].

В Советское время адресатом пушкинского послания принято было считать переводчика «Илиады» Гнедича. В.Э. Вацуро в статье «Поэтический манифест Пушкина» отмечал, что «многие сомнения отпали» в 1924 г., когда обнаружили автографы стихотворения. А после статьи Н.Ф. Бельчикова «"Пушкин и Гнедич. История послания 1832 г." адресат – Гнедич – устанавливался по черновым вариантам с совершенной несомненностью» [3, с. 66].

Однако сомнения остались, и автор «Поэтического манифеста» сам указывает на них, цитируя выдержки из работы Б.С. Мейлаха. Мейлах считал

«загадочным» сочетание контрастных мотивов, лежащих в основе стихотворения; к тому же в 1830-х гг. Гнедич отошел от непосредственного участия в литературной жизни и не мог трактоваться как «пророк» [14, с. 215]. Но, по мнению Вацура, иносказательный библейский план стихотворения, сообщающий ему высокий стилевой регистр, исключает слишком конкретное толкование реалий: многолетний труд поэта-переводчика Гомера метафорически уподоблен Пушкиным общению пророка Моисея с Богом на горе Синай [3, с. 69].

И все же интерпретация Вацура не объясняет до конца смысл пушкинского стихотворения. Многие вопросы по-прежнему остаются без ответов [5, с. 19]. К тому же очень трудно соотнести Гнедича-пророка с восприятием его Пушкиным. «Художественный мотив “пророка” совершенно невозможно отождествить с мотивом, условно говоря, “адресата”, – подтверждает Вацура, – они лишь соприкасаются, ассоциируются по сходству, а иногда и противоречат друг другу» [3, с. 69].

Между тем слово «пророк» у Пушкина и его окружения в 1830-х гг. было связано, прежде всего, с польским поэтом Адамом Мицкевичем. Уже в 1828 г. оно упоминается в стихах Е.А. Боратынского, обращенных к Мицкевичу («Прости, наставник и пророк» [2, с. 104]). Как объяснял Н.В. Измайлов, «импровизации Мицкевича переходили порою в поэтические размышления о будущем человечества – поэт становился провидцем, пророком» [9, с. 141].

Мицкевич в 1830-х гг. и сам осознал себя пророком: на его призыв откликнулся польский народ (польское восстание 1830-1831 гг.), воспринявший «Конрада Валленрода» (поэму Мицкевича о мщении врагу, захватившему Литву), как призыв к борьбе против России, под властью которой была Польша. В поэме «Дзяды» часть III (1832) Мицкевич перевоплотил своего автобиографического героя, поэта Густава, в борца Конрада и выразил готовность быть пророком. В стихотворном цикле «Отрывок», примыкающем к поэме, Мицкевич предсказал Божью кару Петербургу и наказание русскому народу за преступления власти. (В

«Медном всаднике», рожденном в диалоге с польским поэтом после прочтения «Отрывка», Пушкин, как известно, создал сцену, соответствующую этому пророчеству: «Народ зрит Божий гнев и казни ждет»).

В том же 1832 г. Мицкевич издал во Франции политические брошюры «Книги польского народа и польского пилигримства», созданные им в стиле библейских пророческих писаний. В них поэт развивал идею особого предназначения своего народа и призывал соотечественников, ушедших из *рабства* (Польша была под властью России) в эмиграцию, «сознавать себя странниками, идущими ко Святой Земле» в борьбе за свободу [Цит. по: 22, с. 217]. Мицкевич сравнил свой народ в изгнании с библейским народом в пустыне: «Вы в вашем пилигримстве на чужбине, как избранный богом народ в пустыне» [8].

В свете всего вышесказанного наиболее вероятной выглядит гипотеза, что созданное в 1834 г. стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» было адресовано Адаму Мицкевичу. Рассмотрим эту гипотезу.

Первым признаком того, что стихотворение может иметь отношение к Мицкевичу, является слово «пророк» и год написания – датировка «1834», сделанная рукой Пушкина. Слово «пророк» появляется у Пушкина примерно тогда же при работе над стихотворным посланием Мицкевичу «Он между нами жил...» (1833-1834), но исчезает в беловом автографе. В «С Гомером долго ты беседовал один...» соотнести с Мицкевичем «пророка» (Моисея, который, увидев, что народ пляшет вокруг золотого тельца, разбил скрижали с заповедями Бога) позволяют слова «пророк», «проклял» и «кумир». В послании «Русским друзьям» польский поэт слал «проклятие народу, который казнит своих пророков». В «Отрывке» он сатирически изображал «царя Петра» и «памятник Петру Великому» как объекты поклонения русских, то есть, как идолов. «Кумир» – пушкинский образ в «Медном всаднике» («кумир на бронзовом коне», «кумир с простертою рукою»), соотнесенный с образом «памятника Петру Великому» у Мицкевича.

Если сравнить пушкинское послание Мицкевичу «Он между нами жил...» со стихотворением «С Гомером долго ты беседовал один...», то оба стихотворения объединяет противопоставление «мы» и адресат и тема поэта – «друга» и «врага».

В первом стихотворении («Он между нами жил...»): *он* мирно жил «среди племени ему чужого» – к *нам* злобы не питал; *он* «вдохновен был свыше и свысока взирал на жизнь» – *мы* «чистыми мечтами и песнями» делились с ним; *он* ушел на Запад – *мы* проводили его; *он*, «наш мирный гость» – *нам* «стал врагом»; «голос злобного поэта» – «до *нас* доходит» [18, III, с. 259]. Слово «пророк» появляется в черновом варианте седьмого стиха (г): «он был [пророк] [поэт] пророк» [23, с. 204]. Мотив «проклятия» был и в черновом, и в первом беловом автографе: он «проклятия нам шлет» [17, III, с. 943, 944].

Во втором стихотворении («С Гомером долго ты беседовал один...»): *ты* с Гомером «беседовал один» – *мы* тебя ожидали; *ты* сошел с высот, *ты* нас обрел «в пустыне под шатром» – *мы* пели «буйну песнь» и скакали вокруг «кумира»; *мы* смутились твоих лучей. Кульминацией стихотворения является вопрос автора от лица «мы» (что видно из ответа): «Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей...?» («бессмысленные дети» – это точка зрения на «нас» «пророка»). Авторский ответ: «О, ты не проклял нас»; и далее следует размышление о творческой природе поэта. «Ты» исчезает; автор размышляет о поэте («он») и его излюбленных образах. В этом втором пушкинском стихотворении, в отличие от первого («Он между нами жил...»), автор не только сомневается, что поэт стал врагом, но почти утверждает, что не стал – «не проклял» [18, III, с. 225].

В черновиках «С Гомером долго ты беседовал один...», напечатанных Н.Ф. Бельчиковым, мелькают слова, указывающие на «мицкевичский подтекст»: «[чудит] как резвое дитя», «Он как великий вождь <?> толпы», «любит гром небес» [Цит. по: 1, с. 167]. С.М. Бонди в статье «О чтении рукописей Пушкина», приводя примеры работы текстолога и критикуя Бельчикова, писал:

Публикуя черновики стихов Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один», Н. Ф. Бельчиков дает, между прочим, транскрипцию одного из отрывков в таком виде:

[Чудит] как резвое

[Как р] (ндп.) дитя, бывает полн <?>

Он как великий вождь <?> толпы <?>

Он любит гром небес, и... (нрзб.)

Между тем если внимательно проследить предшествующий этому отрывок <...> то сразу станет ясно, что речь в нем идет о том же – о контрастах во вкусах и поведении поэта. Смысл этого первого стиха (в связи с предыдущим) уже делает в общем ясным и содержание дальнейшего. Никакого «вождя толпы» здесь ожидать не приходится [1, с. 166-167].

Получается парадоксальная ситуация: если доказывать, что стихотворение обращено к Мицкевичу, то представление об общем смысле «мицкевичского подтекста» («Наш мирный гость нам стал врагом [– и ныне / Проклятия нам шлет] и ядом / Стихи свои, в угоду черни буйной ...» [23, с. 198, 205]) дает нам право ожидать в черновиках мотив «черни буйной», и появление «вождя толпы» подтверждает это ожидание. Если же доказывать, что текст обращен к Гнедичу, то, как пишет Бонди, «вождя толпы» здесь ожидать не приходится.

«А ныне [лжи] [скл<оняешь> слух благосклон] [внемлешь]», «все чем народ», «с высоты», «великий вождь» «толпы», «[чудит] как резвое дитя» [1, с. 167, 171] – все эти отдельные слова и выражения из черновой рукописи стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...» говорят об их близости «мицкевичскому подтексту», то есть конфликту Пушкина с Мицкевичем, который вызвал строки о «враге», «зломном поэте» и «черни буйной» в «Он между нами жил...». Теперь, в «С Гомером долго ты беседовал один...», Пушкин попытался по-другому взглянуть на ситуацию: «Но нет, ты не таков» [Цит. по: 1, с. 167] – с точки зрения свободной воли поэта-творца «чистого сердцем». «Чистый сердцем»

– пушкинские слова из чернового варианта седьмого стиха «Он между нами жил...» [23, с. 204]. В этой строке уже содержался потенциал другого взгляда на инвективы Мицкевича.

Рассмотрим такой существенный для творческой истории стихотворения вопрос, как отношение Пушкина к труду Н.И. Гнедича. В 1821 г. в письме из Кишинева Пушкин обратился к Гнедичу в высоком одическом стиле: «О ты, который воскресил / Ахилла призрак величавый / Гомера Музу нам явил / И смелую певицу славы / От звонких уз освободил» [18, II, с. 33]. «Европейский подвиг в нашем отечестве» [18, X, с. 99], «важное влияние на отечественную словесность», «высокий подвиг» [18, VII, с. 69] – так в дальнейшем Пушкин относится к переводу Гнедичем Гомера. «Выход в свет “Илиады”, – по словам поэта А.С. Кушнера, – был оценен Пушкиным как подлинное событие. Пять стихотворений пишет он гекзаметром: “Труд”, “Царскосельская статуя”, “Рифма”, “Отрок”, “На перевод Илиады” – все в 1830 г., – до этого ни одного гекзаметра у него не было» [11, с. 118]. Но восприятие русского перевода «Илиады» оказалось, как известно, двойственным. Пушкин славит подвиг переводчика, донесшего до современности «звук божественной эллинской речи», а само создание видится ему не вполне совершенным. Двустипшие «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; / Старца великого тень чую смущенной душой» [18, III, с. 174], написанное 8 ноября 1830 г., было напечатано в 1832 г. За месяц до его создания в черновике было тщательно зачеркнуто: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, Боком одним с образцом схож и его перевод» [Цит. по: 3, с. 67].

Пушкин весной 1832 г. получил два стихотворных послания от Гнедича. Первое – от 23 апреля с восторженным обращением к нему «По прочтении сказки про царя Салтана». Через месяц Гнедич послал Пушкину записку в гекзаметрах, где поздравлял с новосельем и рождением дочери. Затем Гнедич отправил Пушкину в подарок свой итоговый сборник стихов со стихотворным предисловием «К стихам моим» и надписью: «Александр Сергеевичу Пушкину

от Гнедича». «Ответное послание Гнедичу, – как пишет Вацуро, – было начато не ранее декабря 1832 г.» и, «судя по сохранившимся черновым рукописям, работа шла трудно. Тем временем резко ухудшилось здоровье Гнедича. Смерть Гнедича последовала 3 февраля 1833 г.; 6 февраля Пушкин вместе с Вяземским, Крыловым и другими принимал участие в выносе тела и похоронах» [3, с. 72]. То есть, по мысли Вацуро, стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...», созданное в 1834 г., было ответом Гнедичу на подаренную им в 1832 г. книгу с предисловием «К стихам моим».

Могло ли быть так, что первые строки пушкинского стихотворения в том или ином виде были адресованы Гнедичу – в 1832 г., когда Пушкин начал отвечать поэту-переводчику на его два послания и на книгу, но работа не пошла. А в июне 1834 г. (как раз в это время Пушкин подал царю прошение об отставке – 15/25 июня – собираясь совершить «побег»), обратившись к начатому посланию, его мысль устремилась в другом направлении, и он выразил в новом варианте то, что мучило его в это время, и собственноручно указал год написания – «1834». (?)

Реминисценция из послания К.Ф. Рылеева к Н.И. Гнедичу («Подражание VII посланию Дездемо») стала основополагающей в трактовке стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...».

И ты примеру следуй их,
И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровый
С Гомером отвечай всегда беседой новой [21].

В комментарии к «С Гомером долго ты беседовал один...» Б.В. Томашевский писал: «Первой строкой стихотворения Пушкин напоминал Гнедичу об адресованном ему в 1821 г. послании Рылеева, где имеется стих: “С Гомером отвечай всегда беседой новой”» [18, III, с. 461].

На возможность сближения первой пушкинской строки с Посланием «К Н.И. Гнедичу» указывают слова «с Гомером» «беседа» и сама мысль: отвечать

беседой с Гомером на «площадную брань и приговор суровый». Однако у Пушкина не было повода в 1834 г. напоминать Гнедичу о рылеевском послании. Это пушкинское сближение с двором истолковывалось как измена свободолобивым идеалам юности, и ему самому надо было «следовать примеру» и «гением своим торжествовать» [21] над суровым приговором судей. Мицкевич также вынес Пушкину суровый приговор.

Польский поэт противопоставил Пушкина-лакея казненному Рылееву-пророку («Русским друзьям»). Мицкевич не только разделил представления своего погибшего друга, Рылеева, о пагубной зависимости вдохновения поэта от покровительства («Сила душевная слабеет при дворах, и гений чахнет» [20, с. 182]), с которыми спорил Пушкин в 1825 г. [18, X, с. 114, 138], но и воплотил эти представления в «Отрывке», как несомненную причину падения «гения»: «продажный язык». (Мицкевич имел в виду патриотические стихотворения Пушкина 1831 г. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»).

Рылеевская мысль о «беседе» выражена и в цикле «Отрывок», в стихотворении «Олешкевич». Только вместо Гомера художник Олешкевич беседует с Богом: он читает «księgi tajemnicze» [28] и произносит пророчества. Мицкевич вместе со своим героем доказывает predeterminedенность Божественного промысла и предрекает Петербургу, народу, царю (который раньше тоже беседовал с Богом, но теперь «wpadał w moc szatana» – стал «добычей дьявола») бесславную гибель, а поэту, служащему царю – потерю таланта и безвестность. Это апокалиптическое христианство с социальной направленностью было неприемлемо для Пушкина. Поэтому в черновой рукописи данного стихотворения он назвал адресата «вождем» не народа, а «толпы». (Гнедича так назвать было невозможно). Гомер же, по мысли Пушкина и Рылеева (!), духовно возвышает поэта. После разговора с Гомером поэт «светел». «Беседа с Гомером» – аллюзия к Рылееву, которого Мицкевич назвал «пророком» – как бы напоминает польскому поэту, что его высшее назначение не угодить «площадной брани» («А ныне

[лжи] [скл<оняешь> слух благосклон] [внемлешь]» – в черновой рукописи [1, с. 171]), а возвышаться над ней в духовном и поэтическом дерзании.

Если следовать гипотезе, что пушкинское стихотворение обращено к Мицкевичу, то его можно проинтерпретировать следующим образом:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин,
И вынес нам свои скрижали [18, III, с. 225].

«Ты» (Мицкевич) беседовал с Гомером – и потому сошел с вершин «светел» (чужд злобе) «и вынес нам свои скрижали», но потом «пал». О «падении» можно только догадываться, зная адресованное Мицкевичу послание «Он между нами жил...» и варианты его белого автографа: «голос падшего [гневного] поэта» [23, с. 206]). В данном стихотворении «падение» переосмысливается. Пушкин обращается к библейскому сюжету о пророке и вожде Моисее, который пожертвовал всем, чтобы вывести свой народ из рабства в Обетованную землю. Впечатления от «Олешкевича» («таинственные книги», чтение, освещенное светом лицо, «скрижали» как истина, данная Богом художнику-пророку) легли в основу первых строк пушкинского стихотворения.

Когда «ты» беседовал с Гомером «один» – «ты» был «светел». В подтексте осталась мысль, что, «уйдя на Запад», на «площадную брань» о России поэт ответил не «новой беседой» с Гомером, а присоединил свой голос к тем, кто «отравляет чистый огонь небес» [17, III, с. 944] – высокий дух поэзии, дух Гомера, «отраду нашу». Эту мысль – испорченного духа Гомера – Пушкин провел с помощью метафоры в «Путешествии в Арзрум» [18, VI, с. 440].

«Тебя мы долго ожидали». Мы ожидали именно такого «светлого» поэта и пророка, как «ты» – чтобы помочь «польскому и русскому народу слиться в чертах коренных своего происхождения и нынешнего соединения», по словам П.А. Вяземского [6]. И ожидали «долго» – распря между русским и польским

народами была давняя, старинная. На библейском плане за этим («долго ожидали») стоит 40 дней пребывания пророка Моисея на горе Синай; за это время народ согрешил.

И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира [18, III, с. 225].

«Поющие буйну песнь и скачущие кругом / От нас созданного кумира» – по всей видимости, сцена декабрьского восстания на Сенатской (Петровской) площади вокруг памятника Петру I. «Скачущие», «буйна песнь» и место действия: вокруг «кумира» – описывают конкретное событие 14 декабря 1825 г. «Безумство суетного пира» («гибельного пира» [12, с. 225]) – тщетная, или торопливая попытка достигнуть идеала, воплотить духовную утопию идеальной государственности. «Пир» описывает это восстание в символах народно-эпического творчества: «битва – пир». В русском эпическом фольклоре этот образ мог объединяться с религиозно-риторическим «смертная чаша» (библейский мотив о необходимости «испить чашу», то есть умереть за веру).

Свет и скрижали, полученные от Гомера, как от Бога – образы стихотворения, объединяющие ветхозаветный и древнегреческий мир, мир кровопролитных войн между народами Азии и Европы. («Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии?» [18, X, с. 659]). После беседы с Гомером «пророк» «светел» – потому «скрижали» завета могут быть только о братском мире. Текст *завета*, скорее всего, дан Пушкиным в первом стихотворении, адресованном Мицкевичу: «Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся» [18, III, с. 259].

«В пустыне под шатром» – «столь любимая Пушкиным наивная описательная поэзия ветхозаветного текста», по словам Вацура [3, с. 69], в данном стихотворении оказывается библейским шатром бунтовщиков, но одновременно

является гостеприимным шатром, который поэт обретает в пустыне мира. Мицкевича-изгнанника, для которого Россия была ледяной и снежной пустыней («Дорога в Россию»), «под шатром» встретили тепло и дружелюбно.

Слово «обрел» говорит о близости идеалов декабристов и Мицкевича. К декабристам, Рылееву и Бестужеву, обращается польский поэт в «Отрывке», как к ближайшим друзьям. Они оценили не только поэтический талант Мицкевича, его чувства и образ мысли, но и увидели в нем сына народа, угнетенного русским самодержавием. Мицкевич, член общества филематов и филаретов, содержащийся под арестом с октября 1823 г. по апрель 1824 г., был принят ими в свой круг безоговорочно. Для декабристов общим врагом русского и польского народа был царизм. Они полагали, что успех борьбы поляков за независимость зависит от победы революционных сил в России. О том, что русским и полякам «одну чашу пить», писал П.А. Вяземский еще в 1820 г. [7, с. 221].

«Смутились мы, твоих чуждаясь лучей» [18, III, с. 225]. Пушкин, вероятно, имел в виду, что после поражения восстания декабристов и всего, что последовало за ним, «нам» было неловко перед поэтом-поляком за себя и за свою страну. «Мы» собирались отменить рабство и решить польский вопрос, а оказались в положении презренных предателей Отечества. Призыв Вяземского к Пушкину и Боратынскому «освятить своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами» [23, с. 160] прозвучал вскоре после поражения восстания. В Москве вышел сборник *Sonety* Мицкевича (декабрь 1826 г.) на польском языке. Вяземский поместил в «Московском телеграфе» перевод 22 сонетов, сопроводив его предисловием, в котором выражал надежду, что сонеты Мицкевича будут первым шагом на пути к братскому сближению русского и польского народов. Политическая подоплека и чувство вины перед братским польским народом присутствуют как в предисловии, так и в сносках Вяземского, добавленных к сноскам Мицкевича. Например, в сносках к сонету *Rezygnacya* [4, с. 51] Вяземский творческим ходом наводит читателей на мысль о продолжении борьбы за свободу

после поражения восстания декабристов. Первенство в этой борьбе русские, как дает понять Вяземский, уступают Польше.

В порыве гнева и печали

Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,

Разбил ли ты свои скрижали?

О, ты не проклял нас. <...> [18, III, с. 225].

«Пророк» мог «проклясть» «бессмысленных детей» за казнь декабристов и за разгром восставших поляков, продолживших дело декабристов. Декабрьское восстание повлекло за собой отречения, ссылки и казнь. К польскому же восстанию русские не присоединились, а участвовали в его подавлении. Русские «певцы» воспели победу русского оружия. «Мы» в глазах «пророка» стали «бессмысленными детьми», поклоняющимися тиранам и не понимающими истинных пророков (декабристов), указывающих путь к свободе.

Если первая часть пушкинского стихотворения иносказательно обобщает жизнь в «пустыне под шатром» перед «проклятием», то вторая поясняет «проклятие» творческой природой поэта. «Пророк» – в первую очередь поэт, которому внятно все. Пушкин как бы сравнивает поэта и «пророка» с героем своего стихотворения «Пророк», которому было внятно и «неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье» [18, II, с. 304]). Поэт «проклял» из любви к «грому небес», прожив безотрадный момент «гнева и печали», как ветхозаветный пророк Моисей – и библейского мотива новых скрижалей Пушкин не касается: поэт на самом деле «не проклял», а творчески пережил. Он не касается и темы «вождь и толпа». Обращение «ты» к концу стихотворения исчезает; автор размышляет о творческом своеобразии поэта – «он». («Творцу не пристало конкретное имя, он не уместается в облик единичного человека, он весь мир заключает в себе, в своей мысли» [26, с. 167]).

Поэта привлекают столкновения контрастных мотивов: «ты любишь с высоты / Скрываться в тень долины малой, / Ты любишь гром небес». Но поэту внятна и чувственная прелесть земного мира: «жужжанье пчел над розой алой». Возможно, что в этих строках отразилось впечатление Пушкина от сцены «Импровизация» (*Improwizacja*) из поэмы «Дзяды» III, где Мицкевич говорит о мысли, исторгающей с небес грома и о любви к народу, сравнивая любовь к одному человеку с насекомым на цветках розы [28].

[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,] [18, III, с. 225].

Образы из «Отрывка» могли бы пояснить эти строки. Так, «смотр войска» представлен Мицкевичем, как театр, в котором главный «актер», царь, оставляет после себя «трупы» Буйному «царю Петру», давящему народ, Мицкевич противопоставляет мудрого Марка Аврелия, «одаривающего» свой народ, как детей, «отцовским оком» («*ojcowskiém udarować okiem*» [28]). «Одарить улыбкой весь народ» [15, с. 144], как римский император, хочет, или может хотеть, и поэт-«пророк». Недаром герой «Импровизации» называет себя любящим отцом среди своих детей – «вещих» песен поэта – и мечтает создать свой народ, как счастливую песню [28].

То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана [18, III, с. 225].

«Рим» (исторический) в «Отрывке» противопоставлен Петербургу – городу «сатаны», претендующему на титул нового Рима. У Пушкина поэт предпочитает Рим Петербургу по зову сердца («Рим его зовет»). В начале польского восстания Мицкевич был в Риме; Пушкин знал об этом.

«Гордый Илион» (Троя) – город, воспетый в поэме Гомера «Илиада» и указание на Троянскую войну. По отношению к польско-русскому конфликту «гордый Илион» олицетворяет Варшаву и Польшу в борьбе против России, так называемую «русскую фиваиду», по словам Вяземского [6]. Слово «зовет» можно истолковать здесь и как попытку польского поэта присоединиться к восставшим полякам в 1831 г.

«Скалы старца Оссиана» – Оссиан поставлен у Пушкина в параллель с античным Гомером, как певец героики северной, мрачной, скалистой. В «Олешкевиче» северная столица описана в дымном тумане мрака в бурную ночь перед наводнением. Нева сравнивается с альпийскими скалами. С альпийскими скалами сравниваются и души двух юношей-поэтов в «Памятнике Петру Великому». Оссиан ассоциировался с поэтом-воином и с мистификацией Дж. Макферсона, создавшего поэмы «шотландского Гомера». Поэтому *оссианизмом* Мицкевича можно объяснить и его воинственность по отношению к России в «Отрывке», и приписанный Пушкину монолог в «Памятнике Петру Великому».

«И с дивной легкостью меж тем летает он / Во след Бовы иль Еруслана» [18, III, с. 225] – эти строки соответствуют строкам «забаве площадной и вольности лубочной сцены», от которых Пушкин отказался, но они входят в современный текст стихотворения. Истории о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче – это тоже «лубок», лубочная литература, «площадная», служит для развлечения неприхотливой публики. Она как бы исключена из высоких сфер прозы и поэзии и культурному читателю не подходит. Но Пушкин сам не раз *летал* в «царство славного Салтана». «Прозорливый и крылатый» поэт – так он назвал Мицкевича в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» (1828). А.П. Керн в «Воспоминаниях о Пушкине» писала: «Мицкевич часто <...> усаживался подле нас <у Дельвигов>, рассказывал нам сказки, которые он тут же сочинял» [Цит. по: 9, с. 144]

У Пушкина есть юношеская поэма «Бова», но скорее одноименная поэма А.Н. Радищева дает представление о том, в каком смысле Пушкин использует «Бову» в данном стихотворении. (Поэтика политических стихов молодого Пушкина была генетически близка Радищеву и лирике декабристов). Во вступлении к поэме Радищева говорится, что автор «ездил / Во страны пустынные, дальны, / Во леса дремучи, темны, / Во ущелья – ко медведям <...> В ту страну ужасну, хладну...» [19, с. 28-30]. С таким родом литературы, по всей видимости, соотнес здесь Пушкин сатиры Мицкевича на Россию. Например, в «Смотре войска» есть следующая картина: «Zdrowia ci życzym", szepcą wojownicy, / Ich szepty były jak mruk stu niedźwiedzi» [28]. «Мицкевичский подтекст» здесь включает западные представления о России, как о дикой стране «медведей» («их шопот был, как рычание ста медведей»).

Еруслан (Еруслан Лазаревич) – другой герой лубочной литературы, богатырь Востока. Он олицетворяет «восточный колорит». В ориентальном восточном стиле описан у Мицкевича, например, въезд в Петербург: глазам путешественника предстает мираж, сотканный из вьющегося густого дыма, напоминающий экзотические висячие сады древнего Вавилона.

В заимствованные сюжеты Бовы (Европа) и Еруслана (Азия) вошли чисто славянские фольклорные элементы. При соотнесении с «мицкевичским подтекстом» Бова-королевич и Еруслан Лазаревич, получившие славянское «крещение», выступают, как братья, как «двое юношей под одним плащом» («dwaj młodzieńce / Pod jednym płaszczem» [28]) из «Памятника Петру Великому». Изящному образу «летать вослед Бовы иль Еруслана» в черновике стихотворения соответствовало политически окрашенное «вождь толпы».

Стихотворение могло вобрать в себя и следующий жизненный материал. На прощальном ужине, данном приятелем Пушкина С. Соболевским в честь Мицкевича (апрель 1828 г.), один из присутствующих назвал польского поэта Гомером. Мицкевич ответил импровизацией в образе Гомера, описав странника,

погибающего в чужом краю, не имеющего с собой ничего, кроме кубка. Серебряный кубок с подписями присутствующих был только что поднесен польскому поэту, и И.В. Киреевский прочел стихи в честь Мицкевича о дружбе, связывающей с польским поэтом его московских друзей [23, с. 167].

Пушкин не мог не обратить внимания и на обращения к Гомеру в «Отрывке», причем не без аллюзии к нему самому, как к «певцу царя», напрасно надеющемуся на бессмертие своей музыки («Смотр войска»).

«С Гомером долго ты беседовал один» – одно из самых примиряющих противоречия стихотворений Пушкина. Предположив, что польский поэт-собрат подчас «чудит», «как резвое дитя» (черновик стихотворения), Пушкин посмотрел на автора и на оскорбительные положения «Отрывка» с точки зрения высоких гомеровско-библейских ассоциаций и уравнил в правах две точки зрения («ты» и «мы»), акцентируя гений поэта («он»), который внимает всему. Как и в «Медном Всаднике», направление работы над текстом шло в сторону высокой объективности, и слова «ложь», «бряцаль», «вождь толпы» из черновика стали казаться невозможными по отношению к беловому автографу. Недаром Вацуро озаглавил свою статью «Поэтический манифест Пушкина», так как все низкие реалии конфликта расширились до метафор мировой культуры. Все «вулканические вспышки» автора в споре с Мицкевичем вправлены внутрь «библейской» истории и «остались в немалой части вещью в себе» [25].

Список литературы:

1. Бонди С.М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С.М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С. 143-190.
2. Боратынский Е.А. «Не подражай: своеобразен гений...» // Боратынский Е.А. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1914-1915. Т. 1.

3. Вацуро В.Э. Поэтический манифест Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1991. Т. 14. С. 65-72.

4. Великодная И.Л. Петр Андреевич Вяземский – переводчик «Крымских сонетов» Адама Мицкевича // *Toronto Slavic Quarterly*. № 10 (Fall, 2004).

5. Воропаев В.А. Поэт и царь: Размышления над стихотворением А.С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один» // *Московский журнал*, 1999 (1.08). С. 18-20.

6. Вяземский П.А. Сонеты Мицкевича [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова [сайт]. 27 января 2009. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0400.shtml (дата обращения: 22.02.2014).

7. Вяземский П.А. Письмо к М.Ф. Орлову, март 1820 г. / Кутанов Н. [Дурылин С.Н.] Декабрист без декабря // *Декабристы и их время*. Т. 2. М., 1932. С. 201-290.

8. Дерналович М. Адам Мицкевич [Электронный ресурс] // Биография.Ру [сайт]. 2014. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/mickevich.html> (дата обращения: 14.02.2014).

9. Измайлов Н.В. Мицкевич в стихах Пушкина: К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов» // Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 125-173.

10. Каллаш В.В. Загадочное стихотворение Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 48-59.

11. Кушнер А.С. 2001. «С Гомером долго ты беседовал один». Звезда, 2001. № 3. С. 108-121

12. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. (Статьи. Исследования. Заметки). СПб: Искусство-СПб, 2000.

13. Лотман Ю.М. Пушкин. (Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарии). СПб: Искусство-СПб, 2003.

14. Мейлах Б.С. «С Гомером долго ты беседовал один» // Стихотворения Пушкина 1820-1830-х гг. Л.: Наука, 1974. С. 213-221.
15. Мицкевич А. Избранные произведения: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1955.
16. Мицкевич А. Олешкевич. Памятник Петра Великого // Пушкин А. С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 137-144.
17. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. / Ред. М.А. Цявловский, Т.Г. Цявловская-Зенгер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979.
19. Радищев А.Н. Бова // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 22-53.
20. Рылеев К.Ф. Письмо Пушкину А.С. [первая половина июня 1825 г. Петербург] («Благодарю тебя, милый чародей...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 13. С. 182-183.
21. Рылеев К.Ф. Послание к Н.И. Гнедичу (Подражание VII посланию Дездемо) [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова [сайт]. 30 января 2008. URL: http://az.lib.ru/r/ryleew_k_f/text_0160.shtml (дата обращения: 12.02.2014).
22. Ходасевич В.Ф. К столетию «Пана Тадеуша» [Возрождение, 1934] // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник. М.: Сов. Писатель, 1991. С. 214-218.
23. Цявловский М.А. Пушкин и Мицкевич: (Мицкевич и его русские друзья. «Он между нами жил...»: По поводу статьи В. Ледницкого. «Он между нами жил...»: К истории создания стихотворения) // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 157-206.

24. Шварцбанд С.М. А. Мицкевич и А. Пушкин 1830-1833 гг.: К творческой истории создания «Медного всадника». [Persée, Volume 26] 1985.
25. Эйдельман Н. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826-1837. Ч. 2. Собеседники [Электронный ресурс] // Страница Натана Эйдельмана [сайт]. 2014. URL: <http://goo.gl/ufRjqq> (дата обращения: 15.03.2014).
26. Эпштейн М.Н. Фауст и Петр. (Типологический анализ параллельных мотивов у Гете и Пушкина) / Гетевские чтения, 1984. М.: Наука, 1986. С. 184-202.
27. Dixon, M. Adam Mickiewicz's Lectures on Slavic Literature / The Pushkin Review. Vol. 5. (2002). P. 109-128.
28. Mickiewicz A. Dziady cz. III, Dziadów cz. III Ustęp [Электронный ресурс] // Adam Mickiewicz. Wirtualna biblioteka literatury polskiej [сайт]. 2014. URL: <http://literat.ug.edu.pl/~literat/dziadypo/index.htm> (дата обращения: 14.06.2014).
29. Mickiewicz A. Konrad Wallenrod [Электронный ресурс] // Wikiźródła [сайт]. 2014. URL: http://pl.wikisource.org/wiki/Konrad_Wallenrod (дата обращения: 14.06.2014).

Сведения об авторе:

Науменко Галина Абрамовна – доктор философии (специальность – русская литература), преподаватель Образовательного центра «Vidi Vici» (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Naumenko Galina Abramovna – Doctor of Philosophy (PhD in Russian Literature), teacher of Educational Center “Vidi Vici” (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: naumenko1@mail.ru.